

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «СЛУЧАЙНОСТЬ» В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ АЛЬТЕРНАТИВ

Анализируются теоретические проблемы использования понятия «историческая случайность» в исторической науке. Дана типология определений исторической случайности, рассмотрены взаимосвязи её с вероятностью событий, историческими закономерностями, свободой воли, относительностью и субъективностью исторических интерпретаций. Подвергаются критике логически некорректные определения исторической случайности. В итоге предлагается вариант корректного определения понятия «историческая случайность».

По-видимому, исторические случайности чаще всего побуждают историков задавать вопрос в сослагательном наклонении. В непредвиденных и непредсказуемых случайностях иногда видят причину постоянного существования возможности иного хода событий, альтернативного произошедшему или ожидаемому. Рассматривая взаимосвязь случайности и альтернативности, следует исходить прежде всего из определения смысла понятия «случайность».

Задача предлагаемой статьи не в доказательстве наличия или отсутствия случайностей в историческом прошлом, не в доказательстве их большой роли в историческом развитии и не в установлении ценности изучения исторических случайностей. Задача заключается в поиске корректного определения понятия «историческая случайность». Под корректностью определения понятия здесь подразумевается логическая непротиворечивость и отсутствие избыточности по отношению к другим понятиям. Корректное определение позволит историку не называть случайностями сущностно различные и даже противоположные явления. Представляется важным не только для теории, но и для конкретно-исторических исследований и практики историописания найти такое определение термина «историческая случайность», которое будет действительно обозначать особый специфический класс событий и фактов. Кроме того, корректное определение позволит понимать, когда термин «случайность» используется в историческом исследовании только для создания иллюзии объяснения, или, напротив, для демонстративного ухода от объяснения, или же в качестве политико-риторического ярлыка, негативной метафоры с целью принизить значение каких-либо исторических событий, явлений или личностей.

Для решения поставленной задачи, сначала проследим развитие подходов к понятию «историческая случайность» в методологии истории, затем, с учётом опыта как отечественной, так и зарубежной историографии, представим авторское понимание корректного использования этого понятия в историческом познании.

Одним из первых мыслителей XX в., изложивших с методологической точки зрения нетривиальную концепцию исторической случайности, был французский философ Реймон Арон (1905–1983). Его понимание истории представлено в книге «Введение в философию истории», написанной в 1938 г. Логические и методологические конструкты, сформулированные Р. Ароном относительно понимания случайности, позднее, в течение XX в., были воспроизведены или переоткрыты во многих историко-теоретических исследованиях.

Р. Арон определяет случайность как «одновременно возможность постичь другое событие и невозможность дедуцировать событие из всей предыдущей ситуации» [10. С. 408]. При этом в зависимости от угла зрения одно и то же событие может показаться случайным или нет. Под «углом зрения» Р. Арон подразумевает не столько субъективизм изменяющихся интерпретаций, сколько системный уровень, на котором рассматриваются исторические процессы. Одно и то же событие может быть неожиданным как причина одного ряда событий и целесообразным на более высоком макроисторическом уровне, когда это событие входит в упорядоченную совокупность исторических процессов [10. С. 366].

Исторические случайности с их непредсказуемыми близкими и далёкими последствиями и исторические альтернативы, которые в историческом сознании разных социальных групп будут связываться с этими последствиями, не могут быть желанными или нежеланными, худшими или оптимально лучшими. Р. Арон так говорит об этом: «Сотворенная всеми людьми история ни для кого не желательна: являясь слепым результатом бесчисленных конфликтов, она будет иметь хаотический характер, так как подчинится противоречивым волям» [10. С. 368].

В концепции Р. Арона отвергаются попытки доказательств особой роли исторических случайностей, противопоставленных закономерностям. Детерминизм как раз напоминает, что нельзя вольно изменять тот или иной элемент исторического прошлого, чтобы доказать эффективность случайности. Все факты связаны друг с другом, поэтому незначительная деталь, которая ведёт к неожиданным масштабным последствиям, может быть, отражает длительно существующую общую тенденцию, например объективную неподготовленность к каким-то изменениям или просто недостаточно благоприятный момент в жизни представителей правящей элиты, реализующей социальные трансформации.

Несмотря на уважение к детерминизму Р. Арон признаёт, что иллюзию фатальности в истории создаёт исключительно ретроспективный взгляд историков, которые всегда открывают отдаленные и законные решающие причины, придающие постфактум мнимую необходимость эффективному исходу. Историки забывают при этом, что противоположный исход, может быть, содержал бы тоже удовлетворительное объяснение. Р. Арон критикует иллюзию фатальности, которая противоречит действительно научному представлению об исторической случайности. Ни полный детерминизм, ни преувеличение роли случайностей не являются

ся ни ложью, ни истиной, потому что будущее часто меняет мнения участников событий [10. С. 371]. По мнению Р. Арона, в научном историческом познании нельзя отвечать на вопрос «что было бы если бы случайность изменила ход истории?». Научным будет только вопрос о том, получим ли мы другое событие, если изменить данные об определенном моменте прошлого. Учёному достаточно доказать, что «кое-что изменилось бы». Но проследить последствия своей гипотезы историк не в состоянии, поскольку перекрещивание каузальных серий в реальности превосходит силу нашего ума [10. С. 371].

Русский писатель и историк М.А. Алданов (1886–1957) эмигрировал из России после Октябрьской революции 1917 г. Он суммировал свои историософские взгляды в книге «Ульмская ночь. Философия случая» [9]. Этот труд написан в форме полемических диалогов двух неопределённых лиц (внутренний диалог самого автора). К сожалению, эта книга пока практически недоступна российским читателям в печатном виде, но её электронный вариант размещён в Интернете.

М.А. Алданов отвергает детерминистский подход, согласно которому «случайность» – понятие временное и случайность – это только «псевдоним незнания». При таком подходе понятие случая становится ненужным и бессмысленным. М.А. Алданов считает, что «историческая случайность» – понятие самодостаточное и устойчивое.

Из многих определений случайности в теории вероятности М.А. Алданов лучшим считает определение французского математика и физика С.Д. Пуассона: «Под случаем (hasard) надо понимать совокупность причин, способствующих осуществлению события и не оказывающих влияния на размер его вероятности, то есть на отношение числа случаев (cas), благоприятных его осуществлению, к общему числу возможных случаев» [4. С. 79–80]. При таком определении понятие исторической случайности предполагает невозможность и недопустимость суждений о влиянии исторических случайностей на вероятность других исторических событий. По вопросу использования теории вероятностей в изучении исторических случайностей М.А. Алданов придерживается мнения, что измерять историческую вероятность не имеет смысла для поисков исторической истины, но имеет смысл только для поисков более удобных способов систематизации исторической информации.

В историческом выборе, согласно М.А. Алданову, решения зависят не столько от расчёта, сколько от глупости и страстей участников событий. Поэтому для историка подсчёт, взвешивание и сравнение мотивов полезно для систематизации многообразной и хаотичной исторической информации, но ничего не даст для приближения к истинной исторической действительности. Особенно ярко это проявляется при анализе истории войн и революций. М.А. Алданов в гл. III «Диалог о случае в истории» анализирует множество случайностей в ходе Великой Французской революции, войны 1812 г., Октябрьской революции 1917 г. Он приходит к выводу, что «Война и есть истинное торжество случая».

Так, в главе, посвящённой войне 1812 г., М.А. Алданов пишет: «...для изучения и систематизирования

фактов могут пригодиться разные общие предположения, – точно так же, как в точных науках для самой постановки опыта, предварительно нужно иметь то или иное предположение о связи явлений». Автор утверждает, что закон больших чисел, используемых для случайных событий в теории вероятности, не может быть использован в причинно-следственном историческом анализе. Невозможно, например, как по значению, так и по последствиям сравнивать цепи причинности каждого из солдат Наполеона во время Бородинского сражения с его собственной цепью причинности, сказавшейся хотя бы в его минутном колебании: «Вести в дело гвардию или не вводить?» Субъективизм при отборе и оценке фактов также делает очень сомнительными, по мнению М.А. Алданова, попытки приложить теорию вероятностей к историческим событиям. Историки берут у теории вероятности лишь начала ее языка и первый постулат: «Вероятность – это отношение числа благоприятных случаев к числу всех случаев возможных». Однако на практике знаменатель этого отношения приближается к бесконечности, исторических возможностей бесконечное множество. Числитель же имеет характер неопределённый: то, что историческому деятелю или историку кажется «благоприятным случаем», затем при дальнейшей переоценке событий оказывается неблагоприятным.

М.А. Алданов считает, что если историческая случайность – понятие постоянное, то понятие исторической закономерности, напротив, временное. Упрощая и систематизируя факты, историк формулирует «законы истории», но следующие поколения историков отменяют их и создают новые законы истории в соответствии с новыми идеологическими, методологическими и эстетическими предпочтениями. Формулировки исторических законов полезны для науки только в качестве рабочих плодотворных гипотез. Невозможность адекватного вероятностного описания связана и с тем, что сведения о ходе сражений часто между собой расходятся. М.А. Алданов приводит пример сводки нескольких десятков иностранных работ об Отечественной войне 1812 г.: двадцать восемь авторов говорили, что численное превосходство в день Бородина было на стороне французов, тринадцать держались противоположного мнения, а одиннадцать утверждали, что армии были равны [21. С. 23]. Еще больше расходятся сведения о числе убитых и раненых.

На вопрос о том, считать ли причины, ход и результат таких масштабных событий, как война 1812 г., случайностями, М.А. Алданов отвечает, что однозначных ответов на такие вопросы давать нельзя, так как здесь ничего невозможно проверить и непровержимо доказать. Нужно приводить разные версии и каждую ставить под сомнение. Но при этом не стоит также и игнорировать то, как оценивали сами участники исторических событий случайность и закономерность принятых ими решений и совершённых поступков. Так, Наполеон не сомневался, что война 1812 г. была, как и его поражение, делом случайным. «Наполеон, который, казалось бы, должен был знать причины войн лучше, находил, что может быть и война без всяких интересов, личных, экономических и каких бы то ни было других; может быть даже и война вопреки интересам сторон».

В то же время М.А. Алданов допускает принципиальные аналогии между математической и исторической вероятностью, но не в смысле методов вычисления, а в смысле логики связей между известными данными. В связи с этим он приводит книгу французского историка П. Вандриеса, который исследовал с точки зрения вероятностного подхода к историческим случаям египетские экспедиции Бонапарта. Этот автор вводит новое понятие «историческая надежда» по образцу «математического ожидания» [7. С. 63–66].

М.А. Алданов считает, что всю историю человечества можно представить как сознательную или бессознательную, героическую или повседневную, борьбу со случаем. Под борьбой со случаем М.А. Алданов подразумевает противостояние «несчастливым случаям». В гл. IV «Диалог о “красоте–дobre” и о борьбе со случаем» он писал: «Жизнь становится осмысленной именно ввиду возможности борьбы со случаем, с его несчастными формами. О знаке же его, конечно, почти всегда можно спорить, тут вы правы: он совершенно ясен сравнительно редко. С точки зрения лютеранина, реформация была благом, с точки зрения католика – злом». Причём борьба с несчастными случаями может быть основана также только на случайностях, только счастливых. Здесь в его историософии действует нечто вроде закона Ньютона – действие равно противодействию. Прогресс при этом заключается в увеличении судьбы отвратимой за счет уменьшения судьбы неотвратимой. В той же гл. IV М.А. Алданов приводит в связи с этим следующий пример: «Появление проказы на земле, когда бы оно ни произошло... было результатом несчастного случая. Но то, что сульфотрон теперь излечивает эту болезнь, то, что в больнице в Пондоланде в 1952 году было излечено 74 процента прокаженных, это результат счастливого случая, образец его блестящего и самоотверженного использования учеными врачами» [9].

В отечественной исторической науке советского периода все основные теоретические и риторические конструкции черпались из трудов классиков марксизма. Что касается понятия «историческая случайность», то следует выделить две ключевых выдержки из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, которые предопределили взгляды советских историков на исторические случайности.

Первое высказывание К. Маркса из письма к Л. Кугельману: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы случайности не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение или замедление в сильной степени зависят от этих “случайностей”, среди которых фигурирует также и такой “случай”, как характер людей, стоящих вначале во главе движения» [25. С. 175].

Второе высказывание принадлежит Ф. Энгельсу в письме к В. Боргиусу: «Люди сами делают свою историю, но до сих пор они делали ее, не руководствуясь общей волей, по единому общему плану, и даже не в рамках определенным образом ограниченного, данного

общества. Их стремления перекрещиваются, и во всех таких обществах господствует поэтому необходимость, дополнением и формой проявления которой является случайность. Необходимость, пробивающаяся здесь сквозь все случайности, – опять-таки в конечном счете экономическая. Здесь мы подходим к вопросу о так называемых великих людях. То обстоятельство, что такой и именно вот этот великий человек появляется в определенное время в данной стране, конечно, есть чистая случайность. Но если этого человека устранить, то появляется спрос на его замену, и такая замена находится более или менее удачная, но с течением времени находится» [40. С. 175–176].

Одним из первых в отечественной исторической науке методологические аспекты проблемы исторической случайности в рамках марксистской теории обобщил в 1965 г. А.Я. Гуревич в статье «Общий закон и конкретная закономерность истории». По мнению А.Я. Гуревича, ответ, гласящий, что исторический закон прокладывает себе дорогу через хаос случайностей, может считаться удовлетворительным в социологии, но недостаточен в исторической науке. От историков требуется анализ всех имевших место конкретных явлений и детальное их объяснение.

А.Я. Гуревич считает, что фатальной неизбежности именно данного хода событий никогда нет. В связи с этим А.Я. Гуревич анализирует понятие исторической случайности: «Если считать историческую необходимость инвариантной или допускающей лишь несущественные “отклонения от нормы” (типа небольшой отсрочки или ускорения того или иного события, выполнения поставленной историей задачи другим героем вместо действительно фигурировавшего в ней персонажа и т.п.), то в этом случае следовало бы доказать, что так называемые случайности на самом деле взаимно уравновешиваются, вследствие чего не могут иметь существенных последствий. Но как это можно доказать? Вместе с тем что мешает предположить обратное, а именно суммирование случайностей одного рода, приводящее к существенному “отклонению вектора”; что могло породить иной вариант развития... Вполне возможно представить себе, что накопление однородных случайностей в истории привело бы к существенно иному результату» [16. С. 27]. Автор утверждает, что «из того, что мы именуем случайностями, и складывается конкретная закономерность... историческая закономерность не существует вне случайностей» [16. С. 29]. Гуревич даёт определение исторической случайности: «Случайность на одном уровне в одной системе развития в то же время есть закономерность на другом уровне исторического процесса, в другой системе отношений» [16. С. 26]. Примером вторжения случайности, не обусловленной внутренними закономерностями, но заметно изменившей ход исторического развития, могут служить колониальные захваты XVI–XVII вв. Они представляли закономерный результат предшествовавшего развития Западной Европы по пути капитализма, но в истории народов Америки, Азии, Африки и Австралии эти захваты не вытекали закономерно из их внутреннего развития в предшествующую эпоху.

Если попробовать довести до логически и исторически непротиворечивого конца идеи А.Я. Гуревича о соотношении случайности и закономерности в формировании тенденций исторического развития, можно принять следующий тезис: исторические случайности могут как «гасить» друг друга, т.е. иметь нейтральное отношение к закономерности, так и усиливать друг друга, т.е. составлять содержание закономерности. И то и другое может проявляться в разных исторических ситуациях или на разных этапах развития одной ситуации.

Вторым автором, начавшим писать о методологических аспектах роли исторической случайности в изучении исторических альтернатив, был Б.Г. Могильницкий. В своей обобщающей работе «Введение в методологию истории» Б.Г. Могильницкий пишет, что случайности не определяют содержание исторического процесса в сколько-нибудь значительных исторических рамках. Случайность может служить причиной какого-либо события, в то время как его общие причины коренятся в необходимых (объективных) условиях исторического процесса. Б.Г. Могильницкий не согласен с мнением А.Я. Гуревича, что закономерность складывается из случайностей: «...такая позиция ведет к отрицанию принципиального различия между случайностью и закономерностью... тем самым исчезает объективная основа исторического процесса, складывающегося из совокупности этих конкретных закономерностей» [26. С. 52].

Объективные условия жизни общества образуют границы действия случайности в истории, но в пределах этих границ случайности «корректируют» историческую необходимость. Многовариантность исторического процесса обусловлена и присутствием в нем случайности, и многообразием деятельности человека. «В каждый данный момент в реальной исторической действительности имеются объективные возможности реализации различных вариантов общественного развития, обуславливающие ту пестроту красок исторического процесса, с которой имеет дело историческая наука» [9. С. 52].

Б.Г. Могильницкий отмечает преувеличение роли случайности в истории, характерное для современной западной историографии. Причём, если просветители выдвигали роль случая как рациональный аргумент в борьбе с провиденциализмом христианской философии, то современные апологеты исторического случая исходят из принципиально иных позиций. Именно невозможность рациональными средствами объяснить «загадку истории» побуждает западных учёных обращаться к случайности как к главному фактору исторического процесса, подчёркивая значимость конкретного и особенного. В связи с этим приводится пример английского историка и методолога Л. Стоуна, который прямо связывает большую роль исторической случайности с тем, что историку приходится иметь дело с «таким странным, непредсказуемым и иррациональным созданием, как человек» [26. С. 48].

В историографии советского периода, несмотря на возросшую популярность темы альтернативности исторического развития в годы перестройки, методологические аспекты использования понятия «историческая случайность» специально историками не рассматрива-

лись, хотя само понятие случайности активно использовалось. Исключением, невостребованным в то время профессиональным сообществом историков, стало, пожалуй, только опубликование научно-популярным журналом «Знание – Сила» в № 1 за 1980, материалов круглого стола «История: неизбежное и случайное», посвящённых эссе А. Дж. Тойнби «Если бы Александр не умер тогда...». Это эссе было впервые опубликовано на русском языке в № 12 журнала за 1979 г.

В статье «Клио на распутье» (1988) выдающегося русского литературоведа, семиотика и историка Ю.М. Лотмана (1922–1993) впервые в отечественной методологии истории прозвучал призыв использовать концепции синергетики в историческом познании [22]. В посмертно изданной статье «Изыявление Господне или азартная игра?» Ю.М. Лотман как методологическое основание в изучении альтернативности истории рассматривает синтез семиотики и синергетики. Эти две работы стоят также в ряду самых первых случаев введения в дискурс отечественной исторической науки естественно-научных терминов «флуктуация» и «бифуркация» как синонимов случайности и альтернативности. В концепции И. Пригожина с понятием случайности связано физическое понятие флуктуации – отклонение физических величин от их нормальных значений. Он писал: «Мы считаем, что вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации и случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты» [30. С. 54]. Исторический смысл понятия «флуктуация» Ю.М. Лотман видит в том, что в момент, когда историческое, социальное, психологическое напряжение достигает той высокой точки накала, когда для человека резко сдвигается его картина мира, человек может изменить стереотипы, как бы перескочить на другую орбиту поведения, непредсказуемую для него в «нормальных» условиях [24. С. 357–358].

В своей программной методологической и историософской работе «Культура и взрыв» Ю.М. Лотман пишет, что «неизвестность будущего позволяет приписывать значительность всему» [23. С. 27]. В то же время он отмечает, что неопределённость будущего имеет свои, хотя и размытые границы. Из него исключается то, что в пределах данной системы заведомо войти в него не может. Настоящее содержит в себе потенциально все возможности будущих путей развития. Выбор одного из них, по словам Ю.М. Лотмана, не определяется ни законами причинности, ни вероятностью: в момент взрыва эти механизмы полностью отключаются. Выбор будущего реализуется как случайность [23. С. 28].

Доминирующим элементом, который возникает в итоге взрыва и определяет будущее движение, может стать любой элемент из системы или даже элемент из другой системы, случайно втянутый взрывом в переплетение возможностей будущего. Однако на следующем этапе он уже создает предсказуемую цепочку событий: «Гибель солдата от случайно пересекшегося с ним осколка снаряда обрывает целую цепь потенциально возможных будущих событий и одновременно создает новую цепочку» [23. С. 29].

Момент исчерпывания взрыва – это еще и место самопознания. Включаются те механизмы истории, кото-

рые должны ей самой объяснить, что произошло [23. С. 30]. Произошедшее получает новое бытие, отражаясь в представлениях наблюдателя. При этом, подчёркивает учёный, происходит коренная трансформация события: то, что произошло случайно, предстает как единственно возможное.

Одно и то же событие может послужить условием альтернативности для одного ряда событий и одновременно условием неизбежности для другого. В связи с этим Ю.М. Лотман приводит следующий пример: творчество Пушкина оказало воздействие на превращение художественного произведения в товар («не продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать»). Решающую роль здесь сыграл «Евгений Онегин». Однако если бы Пушкин не написал свой роман в стихах или даже если бы Пушкин вообще не родился на свет, процесс этот все равно неизбежно произошел бы. Но если посмотреть на другую историческую связь и предположить, что Пушкин был бы вырван из литературы в свой самый ранний период, то вся цепь событий, ведущих к Гоголю, Достоевскому, Толстому, Блоку и к укреплению той роли русской литературы, которую она играла в гражданских судьбах русской интеллигенции и, следовательно, вообще в судьбах России, оказалась бы совсем не той, какая нам известна [23. С. 97].

Современный историк и философ С.А. Экштут продолжает линию историописания, заданную советским историком Н.Я. Эйдельманом. Именно Н.Я. Эйдельман первым из советских историков опубликовал научно-художественную контрфактическую модель реализации исторической альтернативы в рассказе о вероятном развитии событий при успешном исходе восстания дворянских революционеров в Черниговском полку [35].

Главной причиной в возникновении исторических альтернатив С.А. Экштут считает историческую случайность. В книге «В Поиске исторической альтернативы» автор рассматривает те случайные происшествия в истории России, которые значительно повлияли на общественное сознание и на поступки главных участников событий, связанных с движением декабристов. Современники энциклопедистов усвоили идею вариативности судьбы, подготовив последующие поколения к мысли о необходимости использовать любой счастливый случай, появившийся в революционную эпоху [36. С. 11]. Особенно мощным катализатором для подобного рода ценностных ориентиров, стало, по мнению С.А. Экштута, молниеносное превращение Наполеона из лейтенанта в императора [37. С. 13–14].

Следующая работа С.А. Экштута, где использована идея альтернативности исторического развития, – статья «Раздробим монумент Аракчееву: Опыт контрфактического моделирования исторического прошлого» в журнале «Вопросы философии» [38], затем в дополненном виде вошедшая в книгу «На службе российскому левиафану» [39. С. 245–269]. В этой работе автор сознательно допускает выходы за пределы научности в область беллетристики в рамках провозглашённой им концепции так называемого «исторического маньеризма». Сюжет контрфактической модели основан на том, что во время восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. поручик Панов с отрядом лейб-

гренадёров прорвался в Зимний дворец и арестовал Аракчеева, а затем в случайной стычке с этим отрядом был убит престолонаследник Николай. В действительной истории Панов не решился подходить к сапёрному батальону, охранявшему Зимний дворец, а затем, встретившись с кавалергардами, сопровождавшими Николая, отбил от них и присоединился к товарищам на Сенатской площади. В контрфактической модели декабристы побеждают, учреждают временное правительство, правление которого приводит к смуте, а затем к военной диктатуре.

В рассматриваемой модели упущено отсутствие такого фактора, как желание самого Панова самостоятельно арестовывать Аракчеева. По показаниям самого Панова, он думал, что Зимний дворец уже занят восставшими, а когда понял, что это не так, то повернул на Сенатскую площадь [39. С. 268–271]. Впрочем, в порядке гипотезы можно допустить, как это предполагает С.А. Экштут, что решение войти в Зимний дворец могло неожиданно и спонтанно возникнуть у Панова. Тем не менее этот частный пример показателен в том плане, что в любом литературно-художественном моделировании исторических случайностей системные свойства исторической ситуации всегда выступают как проявления литературных законов в большей степени, чем отражение действительных свойств исторической ситуации. Анализируя допустимость той или иной альтернативной случайности, историк интересуется не столько её правдоподобием или включённостью в общий контекст причинно-следственных связей, сколько необходимостью этого события для развития сюжета. Так, в контрфактическом сюжете С.А. Экштута можно заметить, что реально отряд Панова не успел бы столкнуться с отрядом Николая I, если бы потратил время на арест Аракчеева [28], однако автор допускает такое столкновение, потому что оно необходимо для заданного им развития сюжета.

Обобщая все вышеприведённые историко-методологические подходы, можно выделить три основных типа понимания исторической случайности. Первый тип, который можно назвать «детерминированными тенденциями», выделяет узловые точки неизбежности, к которым обязательно приведут любые исторические случайности, при этом случайности подчиняются историческим закономерностям. Второй тип, который можно назвать «детерминирующими флуктуациями», выделяет узловые точки непредсказуемой случайности, которая порождает тенденции развития, предсказуемые и объяснимые только до следующей «флуктуации», при этом закономерности подчиняются случайности (незначительному событию, имевшему значительные последствия). Третий тип можно назвать признанием научной ценности субъективного упорядочивания хаотичных событий.

Можно выделить также три вида ассоциирования или отождествления случайности с другими понятиями и категориями: 1) отождествление с индивидуальной свободой воли человека; 2) отождествление с уникальными индивидуальными особенностями людей; 3) отождествление с маловероятным событием; 4) противопоставление случайности и закономерности и ото-

ждествование случайности с пересечением независимых разнородных закономерностей.

Отождествление исторической случайности и проявления свободы воли человека имеет давние корни. В философской традиции осмысление понятия «случайность» нацелено главным образом на историческую случайность, случайность в жизни человека, а не на случайность в неодоушевленном физическом мире. Это можно увидеть, обратившись к работе В.А. Шукова и Г.Н. Хона с симптоматичным названием «Оправдание случайности» [18]. Авторы прослеживают взгляды европейских мыслителей на место и роль случайности в мире, начиная с Античности. Стремление исключить случайность из познания действительности в европейской мысли восходит ещё к Демокриту. Предварительно стоит заметить, что рассматривать исторические случайности в отрыве от проявлений свободы воли неверно, так как история складывается из действий, поступков, мыслей и чувств людей. Однако считать, что любое проявление уникальной человеческой индивидуальности и свободы воли есть историческая случайность, также неверно, так как при таком понимании все события и все поступки становятся случайностями.

Если принять, что случайность – понятие противоположное закономерности, то определить случайность можно с помощью отрицания характеристик, определяющих закономерность. Закономерность – это устойчивая, повторяющаяся, внутренне присущая связь между явлениями. Исходя из отрицания этих основных характеристик можно выделить несколько типов определения исторической случайности. Одни определения основаны на неустойчивости и неповторяемости случайных связей между явлениями, другие – на внешнем характере этих связей по отношению к внутренним существенным свойствам явлений.

Повторяемость событий и связей между ними изучается в теории вероятности. В теории вероятности случайным называют любое событие, которое нельзя однозначно предсказать, которое при одинаковых условиях может либо произойти, либо не произойти. В обыденном смысле под случайностью часто подразумевают маловероятные события, подобное мнение существует и у некоторых отечественных исследователей. Так, К.В. Хвостова приходит к выводу, что «анализ, в том числе и количественный, роли факторов, вызвавших смену тенденций, приблизил бы к ответу на вопрос о вероятности дальнейшего функционирования, которой обладала прерванная социально-экономическая или политическая тенденция, и тем самым о случайном или закономерном характере факторов, вызвавших прекращение ее развития» [34. С. 8]. При обращении к такому определению случайности встаёт проблема измерения вероятности в истории. Эта отдельная проблема была рассмотрена А.В. Бочаровым в статье «Методологические аспекты использования понятия “вероятность” в исторических исследованиях» [12. С. 97–106].

Как было показано выше, в советской методологии упрочилась традиция определять случайность как «пересечение разных каузальных цепей», «столкновение независимых закономерностей», «вмешательство со-

бытий из иной системы». Стоит указать на истоки такой традиции. Французский математик, философ и экономист XIX в. А. Курно дал следующее определение случайности: «Мы называем случайными (fortuits) или результатами случая (hasard) такие события, которые вызываются сочетанием явлений, принадлежащих к независимым цепям в общем порядке причинностей» [1. С. 73]. Подобное понимание исторической случайности обсуждалось в отечественной историографии и методологии ещё в начале XX в. Так, в 1913 г. доцент Харьковского университета В.И. Веретенников использовал идеи французского математика А. Курно о множественности каузальных рядов во Вселенной для обоснования возможности исторических случайностей при их пересечении [13. С. 19–44]. В рецензии на статью Веретенникова историк Н.И. Кареев предостерегал от слепого доверия к такому пониманию случайности. Теория А. Курно, по мнению Н.И. Кареева, вовсе не реабилитирует случайность, но лишь констатирует существование разнородных процессов [18. С. 153]. Гораздо важнее для историка, считает рецензент, рассматриваемые автором идеи французского математика и философа А. Пуанкаре, в которых случайным признаётся не результат пересечения каузальных рядов, но выбор «каждого исходного пункта нашего изучения прошлого», после которого «случайностями будут для нас и моменты скрещивания и совпадения отделённых нашим познающим сознанием рядов явлений» [18. С. 154–155]. То есть, согласно А. Пуанкаре, выбор того, какие закономерности различные, а какие принадлежат к одной и той же причинно-следственной цепи – это процесс исключительно субъективный, произвольный и случайный по отношению к изучаемым явлениям.

Исходя из определений случайности как столкновения независимых причинных цепей, принадлежащих независимым системам и управляемых разными закономерностями, историческими случайностями называют стихийные природные явления, изменившие ход истории: бури, ведущие к крушению военного флота; извержения вулканов и землетрясения, разрушающие города и даже целые цивилизации; неурожай и засухи, ускоряющие экономические и социальные кризисы; морозы, способствующие победе менее сильной армии и т.д. Случайностями называют также физические и физиологические процессы, не зависящие от воли человека: траектории полёта пуль и снарядов, спасающих или отнимающих жизнь исторических деятелей; распространение болезнетворных микробов, ставшее причиной болезни или смерти исторических личностей; внешность или глубинные подсознательные импульсы поведения исторических личностей и т.д.

Все эти явления не обусловлены ходом истории и потому случайны по отношению к нему. Однако что тогда мешает считать, что отсутствие всех этих природных, физических и физиологических явлений в какой-либо момент истории также было случайностью? Спокойное море и недра планеты, нормальные осадки и температура также влияют на ход истории и не зависят от него, следовательно, по определению, имеют по отношению к истории случайный характер. Исходя из этой

же логики рассуждений, мы должны считать случайностью не только неожиданную болезнь, но и здоровье человека. Таким образом, согласно определению случайности как пересечения разных причинных рядов, любое историческое событие становится случайностью. Тогда исчезает смысл использования понятия «случайность» – оно становится полностью избыточным.

Кажется очевидно абсурдным построение, например, модели несостоявшейся, но возможной истории «что было бы, если бы Тунгусский метеорит упал на Москву или Петербург». Хотя не исключено, что вследствие влияния на метеорит в его долгом полёте в космосе каких-то гравитационных сил он вполне мог упасть в другое место. Настолько же абсурдны (хотя эта абсурдность очевидна не сразу) допущения, касающиеся возможности альтернативного хода истории, «если бы человек не заболел и не умер», «если бы ствол пистолета чуть сдвинулся», «если бы не испортилась погода» и т.д.

Что касается природных, физических и физиологических явлений, то остаётся только принять их как неизбежную по отношению к ходу истории данность. Так же как неизбежно и единственно дано для историка то, что на Земле сейчас пять материков, а не один, а у человека две руки, а не двадцать две.

С этих позиций некорректными становятся рассуждения в рамках исторического поппозитивизма о том, как форма носа Клеопатры повлияла на историю Рима, а форма носа мадам де Помпадур – на судьбу Франции и что было бы если бы эти носы оказались менее изящными [31. С. 651]. В этом же свете сомнительной отправной точкой для изучения исторических альтернатив кажутся и случаи спасения исторических деятелей во время несчастных происшествий, или, напротив, преждевременная гибель по той же причине.

Под случайностью как пересечением двух разных причинных цепей иногда подразумевается столкновение двух развивавшихся независимо друг от друга обществ или цивилизаций, например столкновение коренных народов Африки, Америки и Австралии с европейскими колонизаторами. К этому же типу явлений можно отнести и непредвиденные встречи двух людей, значительно изменившие ход истории. Здесь следует отметить, что разделение социальных систем на части конвенционально-субъективно и условно-относительно. Вернёмся к примеру с колонизацией. Расселение предшественников будущих цивилизаций из единых афро-азиатских корней шло так, что социально-экономическое, географическое и культурное развитие одной цивилизации толкнуло её к мореплаванию и военно-экономической экспансии. В свою очередь, условия развития другой цивилизации не позволяли ей противостоять неожиданной экспансии. Такая ситуация с точки зрения всего комплекса географических и культурных условий в ойкумене вовсе не случайна для неподготовленных и пострадавших народов. Неожиданность появления захватчиков не является синонимом случайности. Далеко не всё неожиданное можно назвать случайным.

Если мы можем условно разделить человечество на независимо развившиеся сообщества, то мы также ус-

ловно можем разделить и любую социальную систему, будь то страна, жители одного города или одного дома, на отдельные части, которые какой-то период времени развивались независимо друг от друга. Тогда любые взаимодействия между людьми, по определению, становятся тождественны случайности и понятие «случайность» вновь становится избыточным.

Рассмотрим один показательный пример того, как разные подходы к понятию исторической случайности позволяют по-разному истолковывать одно и то же событие – гибель А.С. Пушкина на дуэли.

Ю.М. Лотман в книге «Культура и взрыв» напоминает, как в описании возможных вариантов будущего Ленского А.С. Пушкин ставит читателя перед целым пучком потенциальных траекторий дальнейшего развития событий в момент, когда Онегин и Ленский сближаются, поднимая пистолеты [23. С. 191]. По аналогии Ю.М. Лотман рассматривает дуэль Пушкина и Дантеса. Сначала автор анализирует тактику обоих опытных бретёров и приходит к выводу, что последовательность выстрелов могла быть только такой, какой и была [23. С. 192]. Затем Ю.М. Лотман предполагает, что нельзя исключить того, что Дантес мог, когда его палец нажимал спусковой крючок, поскользнуться на вытоптанном снегу, что вызвало бы незаметное дрожание руки. Пуля убийцы пролетела бы мимо. И тогда другая пуля из пистолета прекрасно стрелявшего Пушкина оказалась бы убийственно меткой. Жизнь Пушкина пошла бы по другим непредсказуемым путям [23. С. 193–194].

С позиции уже вышеизложенного тезиса о том, что явления физического или физиологического характера некорректно считать причиной возникновения исторических альтернатив, предположение Ю.М. Лотмана можно рассматривать как некорректное.

Существует попытка переосмыслить дуэль А.С. Пушкина с позиции, отрицающей случайность. Русский философ В.С. Соловьёв решительно отвергал предположение о возможности создания Пушкиным новых шедевров: «Какой внешний механический взгляд! Никаких новых художественных созданий Пушкин нам не мог дать и никакими сокровищами не мог больше обогатить нашу словесность» [32. С. 296; 33]. Дуэль Пушкина, по мнению В.С. Соловьёва, не была внешней случайностью, поскольку к этому трагическому событию вела вся предшествующая история его душевной жизни. Выстрел Дантеса, по заключению врачей, не был необратимо смертельным, физической причиной смерти поэта стало его желание сделать ответный выстрел, и перенапряжение подорвало последние силы его организма. «Пушкин был убит не пулей Геккерена, а своим собственным выстрелом в Геккерена» [32. С. 294].

Наиболее исторически корректным представляется подход, согласно которому альтернативы исходу дуэли А.С. Пушкина и Дантеса следует искать в событиях, предшествующих вызову на дуэль, когда конфликт ещё развивался. Такой подход использован в книге С.Л. Абрамович «Предыстория последней дуэли Пушкина». В этой книге, помимо прочего, упоминается что из-за усиливавшегося давления властей, депрессии и раздражительности доведенного до крайностей Пушкина гибель поэта могла произойти и от иной руки. Так,

только в феврале 1836 г. у поэта было несколько дуэльных инцидентов с разными людьми, но без серьёзных последствий [8. С. 23–24]. С.Л. Абрамович показывает также и содержание потенциала для варианта, если бы поэт не погиб. Рассматриваются неосуществившиеся планы романа о современности, его прототипы и сюжеты.

Диаметрально противоположные отношения к одному и тому же событию, как это видно из оценки разными авторами дуэли Пушкина, показывают относительность и субъективность понятия «историческая случайность». Р. Козеллек, рассуждая о субъективности и условности в определении случайности и закономерности исторических событий, сравнивает две интерпретации смерти русской императрицы Елизаветы в 1762 г. и последующих внешнеполитических действий Петра III. Первая интерпретация принадлежит прусскому историку Й. Архенгольцу, который ещё в 1791 г. назвал смерть Елизаветы и воцарение Петра III «величайшим благодеянием Фортуны», спасшим Фридриха и Пруссию от гибели. Иная интерпретация была дана в XIX в. Леопольдом фон Ранке, официальным историографом Прусского королевства. Л. Ранке указывал на то, что смерть Елизаветы лишь показала, сколь незначительная «внутренняя необходимость» была присуща существовавшему до того «сочетанию обстоятельств», поскольку союз Пруссии и России был геополитически более выгоден обоим сторонам, чем вражда [19. С. 180].

Происхождение понятия «случайность» Р. Козеллек выводит из эволюции образа богини Фортуны. По его мнению, «говорить о месте случайности в исторической науке трудно, поскольку у неё в историографии своя собственная, ещё не написанная история» [19. С. 171]. Р. Козеллек полагал, что частный факт вполне может стать структурообразующим для всей исторической ситуации в целом [2].

Если принять за причину возникновения исторических альтернатив не социальные, а природные, физические или физиологические явления, то утратится субъективный фактор альтернативности. Хотя точнее, на наш взгляд, был бы термин «субъектный фактор», а не «субъективный», так как речь идёт о субъектах выбора, а не о субъективности оценок и восприятий. Впрочем, с более общей точки зрения одно от другого неотделимо. Далее будет использоваться термин «субъективный фактор», поскольку он более привычен и традиционен.

Сделаем предварительный вывод: наличие исторических альтернатив допустимо устанавливать только в тех случаях, в которых имелось сознательное выделение человеком (или группой людей) своих действий. На этот выбор, конечно, влияют объективные, независимые от сознания факторы, но они не обязательно являются исторической случайностью и не отменяют свободы выбора.

Часто под исторической случайностью подразумевают незначительное событие, имевшее значительные последствия. В дискурсивной практике советской историографии принято было различать «повод» исторических событий и причины или условия, которые могут «созреть» или «не созреть». Чаще всего приводились примеры поводов к войнам и восстаниям. При этом от-

мечалось, что если условия созрели, какой-либо повод обязательно найдётся, если же повод не возник спонтанно, то его создадут искусственно. В свою очередь, никакой повод не может спровоцировать события, для которых ещё не созрели условия. Такой подход связан не столько с детерминизмом, сколько с рационализмом. Ещё Монтескье в своём труде «Размышления о причинах величия и падения римлян» считал, что все случайности находятся в подчинении у общих причин. Он писал: «Миром управляет не фортуна; доказательством этого служат римляне, дела которых все время кончались благополучно, пока они управлялись по известному плану, но которые стали непрерывно терпеть поражения, когда начали поступать другим образом. Существуют общие причины как морального, так и физического порядка, которые действуют в каждой монархии, возвышают ее, поддерживают или низвергают; все случайности подчинены этим причинам. Если случайно проигранная битва, то есть частная причина, погубила государство, то это значит, что была общая причина, приведшая к тому», и далее Монтескье приводит такие причины для истории Рима [27. С. 128–129].

Исторические штудии, в которых рассматриваются малые воздействия с большими последствиями, т.е. причины, не являющиеся внутренне присущими устойчивыми характеристиками явлений, часто вызывают дискуссии о роли «гвоздя из лошадиной подковы». Символ «гвоздя из подковы» связан со старинным английским детским стихотворением:

Не было гвоздя – Подкова пропала.
Не было подковы – Лошадь захромала.
Лошадь захромала – Командир убит.
Конница разбита – Армия бежит.
Враг вступает в город,
Пленных не щадя,
От того, что в кузнице
Не было гвоздя.

(перевод с английского С.Я. Маршака)

Это стихотворение стало популярным эпиграфом популярных книг по альтернативистике, таких как, например, книга американского автора Э. Дуршмида «Победы, которых могло не быть», где он, рассматривая великие битвы от Античности до Новейшего времени, доказывает, что их исход зависел от незамеченных мелочей [17]. Подход «поиска гвоздя из подковы» также имеет давние традиции. В XVIII в. целое историческое направление опиралось на подобные доказательства. В качестве примера можно привести написанный Рише [Richer] в 1758 г. «Очерк великих событий, вызванных незначительными причинами». Просветитель Ф. Вольтер, признавая роль случая, писал о злоупотреблении этим принципом: «...современные явления не являются детьми всех происшедших явлений: они имеют свои прямые линии, но небольшие боковые линии не служат им ни к чему. Ещё один раз: всякое существо имеет отца, но не всякое существо имеет детей» [14. С. 212]. П.А. Гольбах в своей «Системе природы...» понимал случай как незначительную причину, имеющую значительные последствия. Он отмечал, что судьба человека и человечества зависит от множества незаметных и мимолётных обстоятельств,

разглядеть которые вовремя у человека часто не хватает ни добросовестности, ни проницательности, он всё приписывает случаю: «Достаточно было иногда надлежащей диеты, стакана воды, кровопускания, чтобы спасти от гибели царства» [15. С. 147].

В Новейшее время также продолжались дискуссии вокруг роли «гвоздя из подковы». «Случайность или псевдослучайность?» – так могла бы быть сформулирована основная тема полемики о случайностях в ходе Гражданской войны в США, между американскими учёными Д. МакКлоски и М. Шермером. Д. МакКлоски идею малых воздействий с большими последствиями связывает с нелинейными дифференциальными уравнениями, называя уравнение формализованным метафорическим выражением исторической закономерности, а решение уравнения соотносит со структурой исторического повествования. В конкретно-историческом аспекте автор анализирует с точки зрения своей теории решающее сражение Гражданской войны в США – битву при Геттисберге 1–3 июля 1863 г. Исход этой битвы в пользу северян был связан, по мнению автора, со многими случайностями – ассоциирующимися у Д. МакКлоски с тем самым «гвоздём для подковы» [3. С. 21–36].

М. Шермер возражает Д. МакКлоски: «Королевство было потеряно из-за отсутствия 100000 гвоздей для лошадиных подков, всадников, винтовок, амуниции». По мнению Шермера, «гвоздь для лошадиной подковы» может вызвать потерю королевства, только если все условия будут способствовать этому [5. С. 59–83; 6. С. 2–12].

Дискуссия Д. МакКлоски и М. Шермера – характерный пример противостояний двух противоположных подходов к пониманию исторической случайности. Первый подход признаёт возможность независимости последствий случайности от сложившейся наиболее вероятной тенденции развития, от «созревших условий». Второй подход, имеющий истоки ещё в трудах вышеупомянутых мыслителей Просвещения, признаёт за случайностями роль всего лишь микроисторического орудия макроисторической закономерности. Какой подход верный или более истинный? Скорее всего здесь стоит принять позицию М.А. Алданова, который, как было упомянуто, считал, что однозначный ответ в таких случаях неуместен. Однако если не более верной, то более легко доказуемой и непротиворечивой, с точки зрения конкретно-исторического анализа взаимосвязи истории микро- и макроисторических уровней, нам здесь представляется всё-таки позиция детерминации случайностей «созревшими историческими условиями».

Если историк признаёт истинность положения, согласно которому незначительные по масштабам события могут стать главной причиной масштабных исторических событий, то для него при доведении до конца такой логики существенными причинами станут вообще все незначительные мелкие события, связанные с объясняемым масштабным событием. Любое событие вызывается одновременным воздействием бесконечного множества условий. В теории систем это множество условий называется «продуцент», а его следствие – «продукт» или «отклик». Но считать все эти условия причинами события нерационально (из-за их бесконеч-

ности) и некорректно. Иначе причиной, например, встречи двух людей на улице придётся считать то, что они не слепые и смогли увидеть друг друга, что они одеты в одежду, так как совсем без одежды появляться на улице не принято, что они не тяжело больны и могут свободно передвигаться, что погода в этот день позволяет людям выйти на улицу, что небольшое количество людей на улице позволили им заметить друг друга и так далее до бесконечности. Все эти условия можно не описывать только потому, что читатель понимает и представляет их как само собой разумеющееся. В противном случае о них нужно обязательно говорить. Но что оговаривать, а что подразумевать – зависит исключительно от субъективного и нередко предвзятого взгляда историка.

Неизмеримость влияния бесконечного множества условий (продуцента) выражается в том, что продукт этого влияния также состоит из бесконечного множества свойств. В качестве причины выделяется только избранная часть продуцента, а в качестве следствия – только избранная часть продукта. Как именно уменьшить субъективность ограничения в описании бесконечного множества условий? В поисках решения на этот вопрос рассмотрим две характеристики: необходимость условия и достаточность условия. Без наличия хотя бы одного из необходимых условий событие не могло бы произойти, но необходимые условия создают лишь абстрактную возможность события, которая воплощается в действительность только после появления достаточных условий. Причиной события следует считать только достаточные для его осуществления условия. Необходимые и достаточные условия исторического события иногда называют «созревшими условиями». Достаточные, но не необходимые условия могут являться исторической случайностью.

Необходимые, но недостаточные условия не могут считаться причиной, так как они одновременно являются условиями большого множества других исторических событий в избранном для изучения пространственно-временном фрагменте исторического прошлого. То же самое можно сказать о не необходимых и недостаточных условиях.

Иными словами, причинами следует считать только существенные необходимые и достаточные условия для свершения исторического события. Существенными не могут быть все условия. Подходу «существенно всё» французский историк М. Блок, основавший в XX в. знаменитую историографическую школу Анналов, призывал противопоставить рациональную иерархизацию причинно-следственных связей (т.е. отделение достаточных связей от всех остальных). Принципы этой иерархизации М. Блок поясняет на классическом примере с падением человека в пропасть в результате неосторожного шага. Конкретная причина падения – это последний неосторожный шаг. И не потому, что он более необходим для события, чем остальные предшествующие падению события. Все они могут быть в равной степени необходимыми. Но среди всех других он выделяется чёткими чертами: он был последним, наименее постоянным, наиболее исключительным в общем ходе событий, наконец, в силу именно наи-

меньшей всеобщности его вмешательства легче всего было избежать [11. С. 108].

Недостаточность «незначительных поводов» самих по себе для масштабных исторических процессов и достаточность для этих процессов «созревших условий» убедительно доказывают, что незначительные события не могут быть причиной возникновения альтернатив масштабным историческим процессам. Иногда, впрочем, эту верную по сути логику используют для неверных доказательств безальтернативности истории. При этом «зрелость условий» для каких-либо событий отождествляется с неизбежностью этих событий, когда никакие «случайности» не в силах ничего изменить. Между тем условия являются созревшими отнюдь не для одной, а для множества возможных альтернатив. Однако это множество не бесконечно, как это подразумевают сторонники всеильности случая.

Случайность допустимо определить как событие, чьи причины в принципе невозможно установить, так как этих причин громадное множество, все они незначительны и действуют одновременно и быстро. Например, когда говорится, что некто «случайно обратил внимание на что-то», имеется в виду не беспричинность этого внимания, а то, что мелких нефиксируемых внутренних и внешних причин так много, что их невозможно отследить. Под данное определение случайности подходят также многие климатические, физические и физиологические явления. Однако в историческом исследовании данное определение не применимо практически. Каждое мгновение человеческой жизни переполнено такими «случайными» событиями. Как выделить наиболее важное? Как измерить значимость явления, о казуальных связях которого, по определению, ничего не известно?

Корректным представляется следующее определение исторической случайности: случайным будет такое влияние одного события на другое, которое, во-первых, являлось результатом акта свободной воли какого-либо субъекта, но не являлось её целью, во-вторых, не являлось устойчивой, повторяющейся связью. При данном определении в объём понятия «историческая случайность» не будут входить физические и физиологические явления. Для разъяснения того, что означает «являться результатом деятельности свободной воли какого-либо субъекта, но не быть его целью», рассмотрим пример из обыденной жизни. Если два человека неожиданно и непредвиденно друг для друга столкнулись в одно время в одном месте, то эта встреча будет случайностью, если она не являлась целью и следствием деятельности и желания другого человека. В противном случае неожиданная встреча уже не была случайностью. Рассмотрим далее возможное развитие данной гипотетической ситуации. Допустим, упомянутая выше встреча привела к значительным последствиям в жизни многих людей. Эти значительные последствия будут случайными, только если они не являлись целью тех же самых третьих лиц, организовавших «неожиданную встречу». Впрочем, поскольку каждое событие неисчерпаемо, можно до бесконечности углубляться в то, какие ещё события повлияли на упомянутые выше «значительные последствия» и какие из них случайны.

Такое углубление не будет противоречить предложенному здесь определению случайности. Другой вопрос – допустимо ли вообще масштабное, значительное историческое событие, состоящее из множества других «микрособытий», считать случайным. Масштабное историческое событие, или историческая ситуация, является системой из цепи множества как устойчивых и повторяющихся, так и случайных связей между незначительными событиями. Как систему событий можно рассматривать в том числе и судьбу исторической личности. То, что свойства системы исторических событий не выводятся и не зависят непосредственно от свойств составляющих её «микрособытий», является существенной характеристикой системы как таковой и системности вообще, а вовсе не аргументом в пользу того, что данная историческая ситуация есть случайность или закономерность [20. С. 11–13; 29. С. 302].

В качестве примера исторических событий, которые соответствуют предложенному определению исторической случайности, проанализируем один эпизод из истории России XIX в., описанный Н.Я. Эйдельманом. Странствуя летом 1796 г. по южным губерниям, Иван Матвеевич Муравьёв, отец будущего декабриста С. Муравьёва-Апостола, вспоминает, что близ Полтавы в имении Хомутец обитает его двоюродный брат Михаил Данилович Апостол. Иван Матвеевич решает навестить брата. Н.Я. Эйдельман пишет по этому поводу следующее: «Не окажись Михайлы Даниловича Апостола дома, находишь он в подпитии или не в духе (как часто бывало), и проехал бы кузен Муравьёв мимо, не стал бы в будущем владельцем Хомутца, и его сына Сергея вероятно не послали бы на Украину, потому что офицеров Семёновцев рассылали в 1820-м по тем губерниям, где находилась их родня. А не попав на юг, не стал бы Сергей Муравьёв во главе Южного тайного общества, и...» [36. С. 20]. Автор не пошёл далее за пределы состоявшейся истории. Причиной же оставления Михаилом Даниловичем имения в наследство кузену было то, что кузен подсказал ему, что того не будут судить за двоежёнство, так как прогнанная им первая жена ушла в монастырь. Ополчившейся против него ближайшей родне Михаил Данилович Апостол ничего не хотел оставлять в наследство. Связь судьбы будущего декабриста и деятельности Южного общества с описанной встречей кузенов есть историческая случайность. Во-первых, потому что будущие исторические последствия этой встречи не были целью кузенов, во-вторых, потому что связь между наследством, оставленным историческим деятелям, или интимной жизнью родственников исторических деятелей и их ролью в истории не является устойчивой и повторяющейся.

Подведём итог: употребление понятия «историческая случайность» будет адекватным только по отношению к событиям, удовлетворяющим выше предложенному корректному определению. Все остальные события, которые в обыденном сознании и языке ассоциируются с исторической случайностью, следует считать не историческими случайностями, а неожиданными, непредвиденными, неповторимо-уникальными, значимыми для исторической памяти событиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cournot A.* Exposition de la theorie des chances et des probabilities. Paris, 1843.
2. *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1979.
3. *McCloske D.* History differential equations and narrative problems // *History & Theory*. 1991. № 1.
4. *Poisson S.D.* Recherches sur la Probabilit des jugements en mat re criminelle et en matiere civile. Paris, 1837.
5. *Schermer M.* Exorcising Laplace's Demon: Chaos And Antichaos, History And Metahistory // *History and Theory*. 1995. № 1.
6. *Schermer M.* The Chaos of History: On a Chaotic Model That Represents the Role of Contingency and Necessity in Historical Sequences // *Nonlinear Science Today*. 1993. Vol. 2, № 4.
7. *Vendryfes P.* De la probabilit en histoire. L'exemple de l'exp dition d'Egypte. Paris, 1952.
8. *Абрамович С.Л.* Предыстория последней дуэли Пушкина. СПб., 1994.
9. *Алданов М.А.* Ульмская ночь. Философия случая. Нью-Йорк, 1953. http://vwww.geocities.com/plt_2000plt_us/aldnv
10. *Арон Р.* Избранное: Введение в философию истории: Пер. с фр. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
11. *Блок М.* Апология истории. М., 1973.
12. *Бочаров А.В.* Методологические аспекты использования понятия «вероятность» в исторических исследованиях // *Вестник Томского государственного университета*. 2004. № 281.
13. *Веретенников В.И.* Случайность в историческом процессе и статистический метод // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1913. Т. 48, № 11.
14. *Вольтер Ф.* Статьи и материалы / Под ред. В.П. Волгина. М.; Л., 1948.
15. *Гольбах П.А.* Система природы, или о законах мира физического и мира духовного. М., 1940.
16. *Гуревич А.Я.* Общий закон и конкретная закономерность истории // *Вопросы истории*. 1965. № 8.
17. *Дуримид Э.* Победы, которых могло не быть СПб., 2000.
18. *Кареев Н.И.* Новая статья о случайности в истории // *Научный исторический журнал* / Ред. Н.И. Кареев. 1913. № 2 (1914. Т. 1, вып. 2).
19. *Козеллек Р.* Случайность как последнее прибежище историографии // *THESIS*. 1994. Вып. 5.
20. *Костюк В.Н.* Изменяющиеся системы. М., 1993.
21. *Липранди И.П.* Пятидесятилетие Бородинской битвы: Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских. 1886.
22. *Лотман Ю.М.* Клио на распутье // *Наше наследие*. 1988.
23. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
24. *Лотман Ю.М.* Изъявление Господне или азартная игра // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994.
25. *Маркс К.* Письмо Людвигу Кугельману, 17 апреля 1871 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. М., 1964. Т. 33.
26. *Могильницкий Б.Г.* Введение в методологию истории. М., 1989.
27. *Монтескье Ш.Л.* Избранные произведения. М., 1955.
28. *Нечкина М.В.* День 14 декабря 1825 года. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975.
29. *Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П.* Основы системного анализа. Томск, 1997.
30. *Пригожий И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса. М., 1986.
31. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
32. *Соловьёв В.С.* Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
33. *Фараджев К.В.* Несозданные шедевры и неизбежность дуэли: осмысление В. Соловьёвым гибели А. Пушкина // *Вопросы философии*. 1999. № 3.
34. *Хвостова К.В.* Гносеологические предпосылки современной количественной истории // *Россия и США на рубеже XIX–XX столетий (Математические методы и моделирование в исторических исследованиях)*. М., 1992.
35. *Шуков В.А., Хон Г.Н.* Оправдание случайности. М., 1990.
36. *Эйдельман Н.Я.* Апостол Сергей. Повесть о Муравьёве-Апостоле. М., 1975.
37. *Экитут С.А.* В Поиске исторической альтернативы. М., 1994.
38. *Экитут С.А.* «Раздробим монумент Аракчееву»: Опыт контрфактического моделирования исторического прошлого // *Вопросы философии*. 1996. № 10.
39. *Экитут С.А.* На службе российскому левиафану. М., 1998.
40. *Энгельс Ф.* Письмо В. Боргиусу, 25 января 1894 г. // *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. 2-е изд. М., 1966. Т. 39.

Статья представлена кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 10 ноября 2005 г., принята к печати 16 января 2006 г.